
ETNOLINGWISTYKA

PROBLEMY JĘZYKA I KULTURY

20

UMCS

WYDAWNICTWO

ISBN 978-83-227-2850-5

9 788322 728505

ETNOLINGWISTYKA

PROBLEMY JĘZYKA I KULTURY

20

Lublin 2008
Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej

SPIS TREŚCI

Od Redakcji	9
-------------------	---

I. ROZPRAWY I ANALIZY

1. Jerzy Bartmiński, Wojciech Chlebda (Lublin, Opole), Jak badać językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów?	11
2. Светлана М. Толстая (Москва), Слав. * <i>svojъ</i> : семантика и аксиология.....	29
3. Renata Grzegorzyczkowa (Warszawa), Od wspólnoty do obcości. Rozwój znaczeniowy polskiego przymiotnika <i>obcy</i> na tle słowiańskim	39
4. Jörg Zinken (Portsmouth), <i>Linguistic pictures of the world or language in the world? Metaphors and methods in ethnolinguistic research</i>	51
5. Елена Л. Березович (Екатеринбург), Этнические стереотипы и проблема лингвокультурных связей	63
6. Алексей В. Юдин (Гент), Концепт <i>чужбина/чужина</i> в русском и украинском языке: сопоставительный анализ	77
7. Любинко Раденкович (Белград), Великаны, дикие и иные «чужие» люди	95
8. Irena Vaňková (Praha), <i>Mateřský jazyk jako domov v řeči. K opozici vlastní — cizí v obzoru mateřského jazyka v češtině</i>	107
9. Marija Stanonik (Lublana), Name-calling in Slovenia: “we” and the “others”	123
*	
10. Dejan Ajdaczić (Kijów-Belgrad), Zmiana tożsamości narodowej a opozycja <i>swój / obcy</i>	149
11. Lidia Nерор-Аjdaczić (Kijów), Оpozycja <i>język ojczysty / język obcy</i> w językach słowiańskich	159
12. Anna Pajdzińska (Lublin), О nepotyzmie, kumoterstwie i koleśostwie słów kilka	171
13. Justyna Winiarska (Kraków), Konzeptualizacje JA i DRUGIEGO w filozoficznym i potyckim dyskursie miłosnym	179
14. Jan Adamowski (Lublin), Postać obcego w polskiej obrzędowości dorocznej. Od obcości do wspólnoty	191
15. Ольга В. Белова (Москва), Принципы описания и адаптации «чужой» культуры языковыми средствами «своей» традиции	201
*	
16. Hanna Porowska-Taborska (Warszawa), Оpozycja <i>swoi/obcy</i> w języku ginących społeczności Drzewian połabskich i pomorskich Słowińców	215
17. Aloyzas Gudavičius (Szawle), <i>Swój i obcy</i> w litewskim językowym obrazie świata ...	223
18. Елена Е. Королева (Даугавпилс), Языковое самосознание староверов Латгалии	231
19. Владислава Жданова (Germersheim), <i>Русский и российский</i> в языке метрополии и диаспоры как проекция индивидуальной идентичности.	243

20. Юрий С. Костылев (Екатеринбург), Языковые средства создания образа поляка как врага в советской массовой печати периода второй мировой войны	257
21. Николай Антропов, Елена Боганева, Татьяна Володина (Минск), Этнокультурные стереотипы в межконфессиональных отношениях в Белоруссии: опыт этнолингвистического комментирования	269
22. Swietlana Martinek (Lwów), Opozycja <i>swój / obcy</i> w świadomości współczesnych rodzimych użytkowników języka i kultury ukraińskiej	281
23. Наталя Хобзей (Львів), Опозиція <i>свій — чужий (інший)</i> у мовному просторі Львова	297
24. Krzysztof Włocławski (Warszawa), Bułgar — swój czy obcy? Proces przemian świadomości narodowej Macedończyków	311
25. Petar Sotirov (Lublina), Współczesny bułgarski obraz bałkańskich sąsiadów — między swoim a obcym (na materiale bułgarskich internetowych forów dyskusyjnych)	321
26. Мария Вучкович (Белград), Болгары — это мы или другие? (Само)идентификация павликан из Баната	333
27. Мария Илич (САНУ), Когда ОНИ это уже МЫ, а когда по-прежнему ОНИ? Устный дискурс венгерских сербов	349
28. Питер Плас (Гент), Дискурсивные процессы формирования коллективных (этнокультурных, этноязыковых) идентичностей в ранних южнославянских этнографических монографиях	367
II. RECENZJE I OMÓWIENIA	
29. Jaroslawa Iwczenko, Jeszcze raz o mitologii Słowian Wschodnich: Elena Levkiewskaja, <i>Mify russkogo naroda</i> , Moskwa: „Astrel AST”, 2000, 528 s.	377
30. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Współczesne zamówienia z Polesia: <i>Poleskie zagovory (v zapisjach 1970-1990-ch gg.)</i> . Sostavlenie, podgotovka tekstov i komentarii T. A. Agapkinoj, E. E. Levkiewskoj, A. L. Toporkova, Moskwa: Izdatel'stvo „Indrik”, 2003, 751 s.	381
31. Monika Baran, Rosjanin w oczach dawnych Polaków: Aleksandra Niewiara, <i>Moskwicin — Moskal — Rosjanin w dokumentach prywatnych. Portret</i> , Łódź: Wyd. <i>Ibidem</i> , 2006, 184 s.	384
32. Joanna Szadura, Rozterki i fascynacje antropologów: „ <i>Antropologičeskij forum</i> ” nr 3–5 (2005–2006). Red. Albert Bajburin. Sankt-Peterburg: Muzej antropologii i etnografii (Kunstkamera) RAN, Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge	386
33. Monika Bednarczuk, Morfologia mitów krwi: Christina von Braun, Christoph Wulf (Hg.), <i>Mythen des Blutes</i> , Frankfurt — New York: Campus Verlag 2007, 370 s.	388
34. Monika Bednarczuk, Rozumienie wartości a porozumienie: Bettina Bock, Rosemarie Lühr (Hg.), <i>Normen- und Wertbegriffe in der Verständigung zwischen Ost- und Westeuropa (Akten der internationalen Arbeitstagung 27./28. Februar 2006 in Jena)</i> , Frankfurt a. M. et al.: Peter Lang, 2007, 206 s.	392
35. Agata Bielak, Wartości w świetle danych językowych: <i>Antynomie wartości. Problematyka aksjologiczna w językoznawstwie</i> , red. Agnieszka Oskiera, Wyższa Szkoła Humanistyczno-Ekonomiczna w Łodzi, Łódź 2007, 339 s.	394
36. Anna Niderla, Słownik pojęć polityczno-społecznych: Elżbieta Sekowska, <i>Polska leksyka polityczno-społeczna na przelomie XX i XXI wieku. Słownik</i> . Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2007, 197 s.	396
37. Joanna Szadura, Rewolucja, której nie było: Andrzej Pawelec, <i>Znaczenie ucieleśnione. Propozycje kręgu Lakoffa</i> . Kraków: Universitas, 2005, 234 s.	400

38. Katarzyna Kozak-Opsahl, Język figuratywny w perspektywie międzyjęzykowej i kulturowej: Dmitrij Dobrovol'skij i Elisabeth Piirainen, *Figurative language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives*. Amsterdam: Elsevier, 2005, 419 s. 406
39. Anna Rajdzińska, Czy ptak jest zwierzęciem?: Danuta Kępa-Figura, *Kategoryzacja w komunikacji językowej na przykładzie leksemu ptak*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007, 332 s. 410
40. Алена Руденко: Маргарита Васильевна Жуйкова, *Динамические процессы во фразеологической системе восточнославянских языков*, Луцк: Редакционно-издательский отдел «Вежа», Волинского державного университета, 2007. 415 с. 412
41. Urszula Majer-Baranowska, „Słowa są jak ludzie”, czyli o dynamicznym ujęciu semantyki czasowników: Elena Viktorovna Padučeva, *Dinamičeskie modeli v semantike leksiki*, Moskwa: Jazyki slavjanskoj kultury, 2004, 608 s. 416
42. Emilia Wronka, O asymetrycznym obrazie płci w języku: Małgorzata Karwatowska, Jolanta Szpyra-Kozłowska, *Lingwistyka płci. Ona i on w języku polskim*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2005, 294 s. 420
43. Agnieszka Kulisz, Kolejna polska książka z serii gender studies: Marek Łaziński, *O Panach i Paniach. Polskie rzeczowniki tytułarne i ich asymetria rodzajowo-płciowa*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006, s. 360 422
44. Anna Niderla, Język w Internecie: Jan Grzenia, *Komunikacja językowa w Internecie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006, 214 s. 424

III. Z ŻYCIA NAUKOWEGO

45. Michał Łuczynski, Mitologia słowiańska na międzynarodowych konferencjach naukowych (1958–2003): 427
46. Urszula Majer-Baranowska, O etnolingwistyce na posiedzeniu Komitetu Językoznawstwa PAN (Warszawa, 3 XII 2007): 432
47. Joanna Szadura, Grzegorz Żuk, Konferencja na temat europejskich norm i wartości oraz językowego obrazu świata Słowian (Lublin 3–5 kwietnia 2008): 435

IV. NOTY O KSIĄŻKACH

V. KSIĄŻKI I CZASOPISMA NADEŚLANE

VI. NOTY O AUTORACH

Мария Илич
(САНУ)

КОГДА ОНИ ЭТО УЖЕ МЫ, А КОГДА ПО-ПРЕЖНЕМУ ОНИ? УСТНЫЙ ДИСКУРС ВЕНГЕРСКИХ СЕРБОВ¹

Artykuł oparty jest na terenowych badaniach etnolingwistycznych wśród Serbów na Węgrzech (Szigetcsép), które w 2001 roku przeprowadził zespół Instytutu Studiów Bałkanistycznych (SASA, Belgrad). Serbowie w węgierskim Szigetcsép są społecznością bliska asymilacji, jako że od stuleci żyją jako diaspora, otoczona grupami etnicznych Niemców i Węgrów. Okazuje się, że Serbowie ci utrzymują kontakty interetniczne i wypracowali specjalne strategie dyskursywne, ażeby radzić sobie z drażliwym problemem „obcego”. W związku z tym wyodrębniono dwa paradygmaty tożsamościowe i dyskursywne. Po pierwsze, utożsamiający, gdy „oni” stają się „nami” (dotyczy innych Serbów, a także Węgrów i Chorwatów). Po drugie, izolujący, kiedy to „my” jesteśmy zagrożeni zmianą w „nich” (dotyczy Niemców i Węgrów). Ponadto analiza skupiona była na konstrukcjach narracyjnych, nazywanych „narratywami kolektywnymi”, opartych na wzorcach „pamięci kolektywnej” i stereotypach etnicznych.

1.1. Сербы в Венгрии — демографическая ситуация

Согласно письменным источникам, переселение сербов на территорию современной Венгрии начинается как бегство от турецкого нашествия с 1440 г. (см. Prelić 2004: 53). В XV–XIX веках постоянно происходили миграции крупных и малых групп сербов из Османской в Габсбургскую, позднее — Австро-Венгерскую империю. Следовательно, в Венгрии сербы уже веками живут в отрыве от своей страны и этнической группы, причем, в основном, в иноязычном окружении немецких и венгерских общин. В языковом и культурном плане сербы гетерогенны;

¹Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и защиты окружающей среды Республики Сербия в рамках исследовательского проекта № 148011 «Этническая и социальная стратификация Балкан».

места их проживания не связаны в единое компактное пространство. Поэтому сербский язык и культура в Венгрии могут быть представлены в лингвистических и культурологических категориях диаспоры и малых анклавов (о термине «анклав» см. Коминская, Клейнер 2002, Simeon 1969).

В настоящее время сербское меньшинство в Венгрии представляет собой очень маленькую этническую популяцию, находящуюся на грани ассимиляции. Количественные оценки сербского населения в Венгрии варьируются от трех до пяти тысяч человек.²

Населенный пункт Сигетчип (*венг.* Szigetcsép), по-сербски — Чип, в котором проводилось исследование, находится в Венгрии на острове Чепел неподалеку от Будапешта.³ Сигетчип является полиэтническим и поликонфессиональным селом, на территории которого в течении нескольких веков имели место интенсивные этнокультурные контакты немцев, сербов, венгров и болгар, а в непосредственной близости от него так же хорватов и цыган. Сегодня в Сигетчипе проживает менее двухсот сербов (см. Prelić 2004, Ластийћ 2004). С демографической точки зрения это старая, постоянно уменьшающаяся популяция.

Предметом нашего анализа является дискурс чипских сербов на тему «мы / они». Особое внимание в статье будет уделено способам (ре)презентации этнического «другого»: от присвоения до строгого дистанцирования.

1.2. Метод исследования

Российские этнолингвистические экспедиционные и аналитические методы исследования были положены в основу формирования методики экспедиции Института балканистики САНУ. С 2001 г. до наших дней методика приближалась к (североамериканским) методикам антропологической лингвистики (см. Durante 2003) и (англо-саксонским) формам

²Последняя государственная перепись населения проведена в Венгрии в 2001 г. Во время проведения переписи был применен необычный метод: каждое лицо могло отметить несколько этнических групп из предлагавшегося списка, близость к которым данное лицо ощущает. Такая перепись, разумеется, не может служить верным источником при определении численного состава национальных меньшинств в Венгрии (см. Prelić 2004: 50).

³Полевые исследования сербского населения в местечках Сигетчип и Лорив (*венг.* — Logév, *серб.* — Ловра) проводились 18–21.IX.2001 г. при финансовой поддержке Сербского общинного самоуправления Будапешта. В составе исследовательской группы работали д.ф.н. Биляна Сикимич (в расшифровках записей — B.S.), Мария Вучкович (M.V.) и Мария Илич (M.I.). Были сделаны аудиозаписи всех проведенных интервью (материал ныне хранится в архиве Института балканистики САНУ). Во время экспедиции было записано около 40 часов аудиоматериала, из которых приблизительно 25 приходится на село Сигетчип.

«квалитативного исследования» и «квалитативного интервью» (*англ.* — qualitative research, qualitative interview).⁴ В нашей неформальной школе российская этнолингвистическая методика комбинируется также с другими научными дисциплинами.⁵

Все интервью 2001 г., проведенные в селах Сигетчип и Лорив, были в большей или меньшей степени строго структурированы и направлены на исследование традиционной культуры и лексики. При этом начальной матрицей для исследований послужил этнолингвистический опросник Анны Плотниковой (Плотникова 1996). Однако необходимость преодоления тематических ограничений опросника и его адаптации к изменчивому коммуникативному контексту (см. Sbisá 2002, Holt 2003, Dilley 2002) привела к тому, что во время интервью мы снисходительно относились к разного рода дигрессиям наших собеседников и были открыты на «неэтнолингвистические», автобиографические, социальные, исторические и другие темы (см. Сикимић 2004а, 2005; Илић 2005б).

1.3. Этнолингвистическая экспедиция: ограничения

Вплоть до Второй мировой войны сербы в Сигетчипе сопротивлялись этнической экзогамии и сохраняли гомогенную языковую, этническую и культурную самобытность. После Второй мировой войны среди сербов в Сигетчипе учащаются смешанные браки, а венгерский идиом теснит сербский и постепенно становится доминирующим, в том числе, и в семейном кругу.⁶ В случае сербов из Сигетчипа процесс замены языкового идиома (*англ.* language shift) и этнической экзогамии протекает параллельно с процессом исчезновения традиционной культурной модели.

⁴ «Квалитативное исследование» противопоставляется «квантитативным измерениям» и математическим моделям, поскольку использует логическую дедукцию для расшифровки собранных данных и включает в себя исследование культуры, сознания и опыта информанта. При этом особое внимание уделяется точке зрения самого информанта. См. Hodgson 2000, Witz 2006, Sorescu-Marinković 2006.

⁵ Так, например, при научном анализе этнолингвистический метод комбинируется с социолингвистикой (см. Петрович 2004) или с антропологией (см. Sikimić, Sorescu 2004). Равно в той же мере и фокус научного анализа переместился с классических этнолингвистических исследований языка и культуры на особенности устного дискурса собеседника (см. Сикимић 2004б, Илић 2005а, Ćirković 2006, Вучковић 2007), а также на антропологические характеристики исследуемых сообществ (см. Sorescu-Marinković 2006).

⁶ Многие исследователи отмечали влияние социальных перемен после Второй мировой войны (индустриализация, деаграризация, миграции «деревня/город» и др.) на появление этнической экзогамии и процесса «замены языка» в этнолингвистических сообществах диаспоры. См. примеры сербов в Венгрии в Лориве (Прелић 1995), хорватов-кайкавцев в Сербии в области Банат (Vučković 2000), и сербов в Словении в районе Бела-Крайина (Petrović 2004, 2005).

Решение экспедиции ограничиться старшим поколением информантов имеет свое методологическое оправдание: для исследований традиционной культуры и лексики, пожилые люди, действительно, являются лучшими собеседниками, а в случае сербов из Сигетчипа — это единственные информанты.

Следующее ограничение собранного материала обусловлено краткосрочностью экспедиции, что не позволило исследователям сблизиться с собеседниками и завоевать их доверие (о «доверии» при проведении интервью см. Ćirković 2006). Это ограничение особенно ощутимо при разработке столь социально болезненной темы, как отношения «мы / они».

1.4. Этнолингвистическая экспедиция: возможности

Хотя вопросы этнолингвистического опросника обычно не касаются социального контекста, сама матрица интервью предлагает такие темы, как «Каковы мои обычаи?» и (косвенно) «Чем мои обычаи отличаются от обычаев ‘других’?». Поэтому вопросы этнолингвистического характера могут спонтанно активизировать у собеседника дискурсивные пласты, касающиеся самобытности его коллектива (*англ.* — Identity discursive formation), которые, как отмечает Ольга Младенова, дают ответы на вопросы типа «Кто мы такие?», «Чем мы известны?», «Чем мы гордимся?». ⁷ Если несколько членов коллектива повторяют одинаковые или похожие нарративы, то такой дискурс можно обозначить и интерпретировать как нарратив коллектива (см. Galasińska, Galasiński 2003). ⁸

Большинство высказываний наших собеседников на тему «мы / они» представляли собой либо спонтанные дигрессии, либо дискурсивные импликации. Это имеет ряд преимуществ по сравнению с данными, полученными путем прямого анкетирования, поскольку последний метод упускает из виду коммуникативный контекст и побуждает информанта к большей самоцензуре. ⁹ К тому же спонтанные дигрессии расположены

⁷ «Regarding the Identity discursive formation, discourse is the set of beliefs, ideas and principles expressed verbally or nonverbally by which people structure their identity» (Mladenova 2004: 71).

⁸ Галасиньские (Galasińska, Galasiński 2003) используют термины «big narrative», «narrative of the nation» для описания нарративов, которые основаны на этнокультурных стереотипах и на устойчивой оппозиции «мы / они», и которые, что особенно важно, поддерживаются значительным большинством членов определенного сообщества / нации. Для формирования нарратива коллектива важен также концепт «коллективной памяти», которая всегда является селективной и реконструктивной (см. Halbwachs 1985, Bangerter 2000, Assmann 2002).

⁹ Этнограф Младена Прелич, находившаяся в селе Лорив в Венгрии пять месяцев по совокупности (с перерывами с начала 1989 г. до мая 1992 г.), отмечает, что местные сербы были сдержаны, когда им задавали прямые вопросы об их этнической

ближе к личному ассоциативному языковому полю и личному дискурсу, менее идеологизированному по сравнению с публичным дискурсом.¹⁰

2. МЫ и «МЫ»

Среди сербов в Сигетчипе наблюдаются процессы преодоления дистанции по отношению к близким общинам, что вообще присуще меньшинствам, находящимся под угрозой ассимиляции. В зависимости от отношения к смешанным бракам, позитивный полюс которого оценивается как наиболее благоприятное социальное отношение к «другому» (см. Gavteliuc et al. 2002: 85), у чипских сербов можно выделить степени градации открытости их общины: от этнической ('другие' сербы в Венгрии) к религиозной (православные болгары в Венгрии), вплоть до языковой (говорящие на их языке католики в Венгрии) эндогамии.

2.1. МЫ и «МЫ»: сербы в Венгрии

В прошлом среди сербов в Венгрии существовали внутригрупповые разделы и негативные стереотипизации (см. Prelić 2004: 146), но XX век приводит к интенсивному смешению внутри группы, что является первой фазой процесса отказа от строгой этнической эндогамии.¹¹ В дискурсе сербов из Сигетчипа о других сербах в Венгрии отсутствует настоящая оппозиция «мы / они», представлена же лишь пространственная оппозиция «здесь / там».

Высказывание [1] демонстрирует, что собеседник в ответ на вопрос о календарных праздниках [1.1], [1.4] рассказывает не только о праздниках в Сигетчипе, но спонтанно и почти автоматически перечисляет другие сербские деревни в Венгрии и приводит данные о них [1.3], [1.5]. Если в сегменте [1.3] все еще присутствует оппозиция «здесь / там», то

принадлежности, или занимали разные позиции при ответе на один и тот же вопрос, но заданный в разных ситуациях (см. Прелић 1995: 131, 136).

¹⁰Публичный дискурс играет исключительно важную роль при «создании» идеологии, поскольку каждый член определенного языкового сообщества является одновременно и членом идеологического сообщества, которое пытается достичь определенной идеологической (политической) дискурсивной цели (см. Van Dijk 1998). Так, Хелена Здравкович (Zdravković 2005) приходит к выводу, что примарная дискурсивная цель сербов и албанцев на Косово одинакова — формирование «принадлежности к жертвам». Одинаковыми при этом оказываются и дискурсивные стратегии, используемые обеими группами.

¹¹Ср. начало смешения различных еврейских групп после Второй мировой войны (Krivoguchko 2005: 149); а также смешение сербов-«старожилов» с «приезжими» сербами на Косово, начиная с 60-х годов XX века (Златановић 2004: 90).

уже в сегменте [1.5] отменяется и эта оппозиция, и при помощи перечисления сербских населенных пунктов (выделено жирным шрифтом) конструируется континуированное пространство, ср.:

[1]	(S.S., muško, osnovna škola, 1933; M.V. istraživač; audiozapis M22)	(Информант С.С., муж., восьмилетняя школа, 1933; собиратель М.В., аудиозапись M22)
[1.1]	M.V.: A da li se slavi Preobraženje?	M.V.: А Преображение празднуют?
[1.2]	S.S.: Onda se grožđe sveti. Služba ima, svaki nosi dva, tri i to se metne na tanjir.	C.C.: Тогда виноград освящают. Служба бывает, каждый приносит по два-три, и это кладут на блюдо.
[1.3]	A u Sentandreji, tamo je bučura.	А в Сентандреи, там — бучура ('сельский храмовый престольный праздник').
[1.4]	M.V.: A Gospojina?	M.V.: А Успение?
[1.5]	S. S.: U Kovinu je slava, služba se drži. I Mala je u Bati slava, bučura. Pi u Santovu?	C.C.: В Ковине - престольный праздник, служат в церкви. Рождество Богородицы — в Бате престольный праздник, бучура. Или в Сантово?

Зачастую в дискурсе сербов из Сигетчипа обычаи (особенно свадебные) ближайшего сербского села в Венгрии представляются как «свои». Поэтому при этнолингвистическом анализе у нас возникали проблемы с определением собственно сигетчипских сербских обычаев (см. Илић 2005: 332).

Сравним: в ответ на прямой вопрос анкеты Младены Прелич о национальном самоопределении венгерские сербы определяли себя, прежде всего, как «сербов», и лишь в-третьих или в-четвертых — как «сербов из Венгрии» (Прелић 1995: 132; Prelić 2004: 147). Эти ответы находятся ближе к идеологии коллектива, в то время как дискурсивные импликации (как во фрагменте [1]) точнее соответствуют реальной жизненной ситуации сербов в Венгрии.

2.2. МЫ и «МЫ»: болгары в Венгрии

В Сигетчипе проживало несколько болгарских православных семей. Как только болгары появились в селе, сербы начали вступать с ними в браки.¹² Среди чипских сербов бытует представление об этнической и

¹²Чаще происходила ассимиляция болгар с сербскими группами, поскольку серб-

культурной специфике болгар-переселенцев, но тут же обнаруживается абсолютно положительное отношение к сербско-болгарским бракам.

Во фрагменте [2] женщина рассказывает о ритуальных действиях мужа своей сестры — болгарина, совершаемых на Праздник св. вмч. Георгия (Джюрджевдан). Дискурс женщины о зяте-болгарине движется по оси между обобщенным действующим лицом (этнонимы *болгары*, *болгарин* [2.2], [2.3], [2.5]) и конкретной личностью (от апеллятива *сестрин муж* [2.3] до антропонима *Ристо* [2.4]). Очевидно, что наряду с конфессиональной эндогамией присутствует культурологическая дистанция и оппозиция «мы / они» ([2.6], [2.7]), что подтверждают и этнографические показания (о негативной стереотипизации болгар см. Прелић 1995: 107).

[2]	(M.A., žensko, osnovna škola, 1911; M.I. istraživač; audiozapis M4)	(Информант М.А., жен., восьмилетняя школа, 1911 г.р.; М.И. — собиратель; аудиозапись М4)
[2.1]	M.I.: Da li ste se kitili zelenilom i cvećem?	М.И.: У вас украшали зелеными ветками и цветами?
[2.2]	M.A.: To Bugari su radili, to Bugari.	М.А.: Это болгары делали, болгары.
[2.3]	Sestrin muž bio Bugarin. Pa on na Đurđevdan je usto rano, pa je išo ...	Сестрин муж был болгарин. Так он на св. Георгия рано вставал, шел ...
[2.4]	A ja ga pitam, Risto se zvao: «Zašto mećeš to?» I u avliju i u zgradu. Reko: «Zaš mećeš taj glog?» A on kaže: «Da ne ulazu bosorke ('veštice')».	А я его спрашиваю, Ристо его звали: «Зачем ты это разбрасываешь?» И по двору, и по дому. Говорю: «Зачем разбрасываешь боярышник?» А он мне: «Чтоб босорки ('ведьмы') не входили».
[2.5]	«Kako znate da vraćate, Bugari?»	«И откуда только ворожить умеете, болгары?»
[2.6]	Kaže: «Kod nas je taj običaj».	Говорит: «У нас такой обычай».
[2.7]	Ovde nije to. Kod nas Srba, nije to bilo.	Здесь не так. У нас, сербов, такого не было.

Переход от строгой этнической к конфессиональной эндогамии, как переходный уровень к полной экзогамии, отмечен в современных исследованиях были больше (см. Прелић 1995: 77, 107, 183). О исторических миграциях болгар из Османского царства в государство Габсбургов см. Якимова 2004.

дованиях других меньшинств в паннонском регионе.¹³ Наши результаты подтверждают положение об исключительно важной роли конфессиональной принадлежности в системе ценностей народной культуры (см. Белова 2005: 76).

2.3. МЫ и «МЫ»: хорваты в Венгрии

В Венгрии уже много веков проживают южнославянские католические группы: шокцы, рацы, буневцы, у которых нет единого ответа на вопрос о национальном самоопределении. В последнее время эти группы все чаще определяют себя как хорватов (см. Хофман 2004). Мнения сербских групп в Венгрии о браках с говорящими на одном с ними языке католиками, по всей видимости, отличаются друг от друга в зависимости от места проживания его носителей. Среди сербов на острове Чепел (села Сигетчип и Лорив), благодаря традиционно хорошим отношениям с жителями соседнего католического села Тукуль (*вен. Tököl*), преобладает положительное мнение о таких браках.¹⁴

Одним из способов выражения дилеммы по отношению к католикам является приписывание католикам в Венгрии сербского происхождения, что хорошо иллюстрирует фрагмент [3]. Отношение «мы / они» представлено как проблематичное: 'они' находятся под сомнением [3.1]–[3.6]. В самом начале высказывания собеседник при помощи глагола 'držati se' — 'считать, думать' (РСГВ 2 s.v. *држати* 8) [3.1], выделяет субъективный компонент в самоопределении 'другого'. Опровержение самоидентификации 'другого' продолжается рядом аргументов о сербском происхождении таких католиков, причем утверждениями, претендующими на объективную истину: в форме косвенной речи, приписываемой коллективу [3.2], в форме осведомительного предложения [3.5], затем эмпирическими [3.3], [3.6] и верификационными [3.4] аргументами. В конце высказывания 'мы' оказывается предметом насмешек со стороны другой группы [3.7]. Этот фрагмент вместе с его многочисленными вариантами, записанными от других информантов, можно отнести к корпусу нарративов сербского коллектива как в Сигетчипе, так и в более широких географических границах¹⁵, ср.:

¹³Vučković (2000: 263) замечает, что хорваты-кайкавцы в Банате сначала начали вступать в браки с католиками (болгарами, венграми, словаками), и только после Второй мировой войны — с православными сербами.

¹⁴Дистанция в отношениях сербов с католиками увеличилась в последнее время из-за солидарности первых с сербской стороной в период войн 1990-х годов (см. Прелић 1995: 136).

¹⁵Подобную аргументацию можно встретить не только устных преданиях, но и в сербских научных исследованиях, начиная с первой половины XX века (см. Ер-

[3]	(Ž.A., muško, srednja škola, 1933; audiozapis M34)	(Информант Ж.А., муж., среднее образование, 1933 г.р.; аудиозапись М34)
[3.1]	Oni se držu Šokci ili Raci.	Они думают, что они — шокцы или рацы.
[3.2]	Slušajte, to je, nekada su tamo taki isti Srbi živeli, každyu.	[3.2]Слушайте, там, говорят, когда-то точно такие же сербы жили.
[3.3]	Njeva crkva u Tukulji, oltar, tako je isto ko u pravoslavnoj crkvi.	Их церковь в Тукули, алтарь — все точно такое же как в православной церкви.
[3.4]	Ja sam bio više puti.	Я много раз бывал.
[3.5]	Samo su prešli na katoličku veru,	Просто они перешли в католическую веру,
[3.6]	al imena su sve «ić», «vić», Dragivić, Gergić, Mirković. Odma je ime Mirković srpsko.	а фамилии у них все на «-ич», «-вич», Драгивич, Гергич, Миркович. Тут фамилия Миркович — сербская.
[3.7]	Nas tako rugaju Race, «ićvić». Tako smo mi «ićvić». Mi smo divlji Raci.	Нас, рацев, так и обзывают — «ич-вич». Вот мы и есть «ичвич». Мы — дикие рацы.

В случае с православными болгарам и хорватами-католиками (буневцами, шокцами, рацами) у сербов в Венгрии перед лицом угрозы ассимиляции венгерским большинством произошло присвоение образа близкого 'другого', или процесс конвергенции.¹⁶ Очевидно, что для сербов в Сигетчипе язык является последним и самым важным элементом идентификации, с потерей которого «мы» переходит в «они» (см. также этнографические результаты в Прелић 1995: 133).

3. ОНИ, которые не переходят в МЫ: венгры и немцы

В дискурсе сербов из Сигетчипа единственные настоящие «они» — это немцы и венгры, отличающиеся от сербов и по этническому, и по дельановић 1930). В хорватских же научных исследованиях, наоборот, говорится о хорватской принадлежности этих этнических групп (см. Sekulić 1991).

¹⁶Белова отмечает как типичное обратное отношение — т. н. «чужие соплеменники», при котором утверждается «инакость» этнически родственных групп иноверцев; например, сербское название сербов-мусульман — «турки» (Белова 2005: 79).

конфессиональному, и по языковому признаку. Общее место в сербском дискурсе — отрицательное мнение о смешанных браках с немцами или венграми, которое связано с представлениями об утрате сербской самобытности. Хотя, объективно говоря, в период после Второй мировой войны наибольшее число смешанных браков сербы в Венгрии заключили именно с венграми (см. Прелић 1995: 99).

Во фрагменте [4] высказано негативное отношение к смешанным бракам с венграми, и эксплицитно выражена причина возражения против смешанных браков [4.1]. Негативное отношение высказано в форме косвенной речи *свободно нельзя было (nije slobodno bilo)*, которая приписывается коллективу [4.2]. При этом смешанным бракам противопоставлены браки с венгерскими сербами [4.3], ср.:

[4]	(J.N. žensko, osnovna škola, 1936 god.; audiozapis M1)	(Информант Е.Н., жен., восьмилетняя школа, 1936 г.р.; аудиозапись M1)
[4.1]	Na tu stranu je dobro bilo jer eto dosad smo mogli dosta godina da se sačuvamo	С этой стороны было хорошо, потому что вот уже много лет и до настоящего времени мы смогли сохранить себя;
[4.2]	jer onda nije slobodno bilo za Mađara, samo za Srbina.	потому что раньше свободно нельзя было за венгра, только за серба.
[4.3]	Je li iz sela, jeli donesivali iz drugog sela, moja je baka bila iz Bate. Eto iz Bate se ženili, iz Lovre se ženili i curice su išle tamo se udavale.	Ведь из села, из другого села привозили: моя бабка была из Баты. Вот женились на девушках из Баты, из Ловры, и девушки туда замуж выходили.

Женщина-информант повторяет общее место сербского дискурса о смешанных браках, но при этом сама она была замужем, причем удачно, за венгром (ср. Илић 2003). Понятно, что отрицательное мнение о смешанных браках поддерживается «нарративом коллектива» и потому продолжает существовать вопреки неоднозначным данным биографических нарративов (о столкновении коллективных и биографических нарративов см. Galasińska, Galasiński 2003).

3.1. ОНИ — раньше / теперь

В дискурсе чипских сербов присутствует сознание исторического дисконтинуитета субъекта «они». Историческое «они» — это немцы (в

сербском дискурсе — *Švabe / швабы*), которых сербские информанты старшего возраста помнят с детства или со времен молодости. В Сигетчипе немецкая этническая группа являлась доминирующей вплоть до Второй мировой войны, после окончания которой большинство немцев было вынуждено переселиться в Германию.¹⁷ На их место в Сигетчип приехали венгры, которых, согласно устному дискурсу чипских сербов, до Второй мировой войны было меньше [5.5] и которые в социальном отношении были маргинальны [5.9]. Дискурс о венграх 'теперь' активизирует дискурс о немцах и венграх 'раньше', и, наоборот.

Таким образом, речевая модель «раньше / теперь» скрепляет комплекс идеологических мнений (ядер), который встречается в дискурсах и других традиционных сообществах, находящихся в процессе смены языка (ср. Tsitsipis 1998: 132, Petrović 2004: 222). Наречие времени 'раньше' в дискурсе чипских сербов вызывает длинный ряд воспоминаний и мнений, подразумевающий традиционные ценности (строгая этническая эндогамия, привязанность к сельскому хозяйству и т.д.). В дискурсе наречие 'раньше' всегда контрастирует с наречием времени 'теперь' и, соответственно, резонерством о новых исторических и социальных обстоятельствах, в которых оказалась община (смешанные браки, национализация имущества, уменьшение численности сербской общины и т.д.). Нарративы с такой или похожей структурой повторило большинство наших информантов, что позволяет отнести их к коллективным нарративам старшего поколения сигетчипских сербов.

Во фрагменте [5] видно, как реализуется дискурсивная временная модель «раньше // теперь»: временные признаки (*до Второй мировой войны* [5.1], *раньше* [5.3] // *после войны* [5.2], *нынче* [5.6], *теперь* [5.10]), смешанные браки (*свободно нельзя было, старшие не позволяли. Так не было ... считалось плохо* [5.3] // *начал народ мешаться* [5.2]), немцы (*больше было швабов* [5.4] // *немцев [выгнали] в Германию* [5.7], *швабов немного* [5.10]), венгры (*венгров ... три-четыре семьи* [5.5]; *уж такие бедняки были* [5.9] // *тогда венгров [поселили] в швабские дома, тут им дали коней, землю* [5.8], *Здесь венгры [поселились]* [5.6]).

Многие записи сигетчипских сербов, как, в частности, приведенный фрагмент [5], показывают, что старшее поколение чипских сербов воспринимает Вторую мировую войну как резкий перелом исторического времени: для них 'теперь' началось и длится от той войны. При этом субъекты обобщены, выражены этнонимами. Негативное отношение к

¹⁷О немецкой колонизации на территории Венгерского королевства и об изгнании немцев с венгерских территорий после Второй мировой войны см. Janjetović 2004.

[5]	(S. S., muško, osnovna škola, 1933; audiozapis M21)	(С. С., муж., восьмилетняя школа, 1933 г.р.; аудиозапись М21)
[5.1]	Pa sećam se, pa to je bilo pre Drugog svetskog rata,	Помню, это было до Второй мировой войны,
[5.2]	posle rata se počelo da se meša narod, Mađari.	после войны начал народ мешаться, с венграми.
[5.3]	A prije to nije bilo slobodno, nisu dopuštali stari. To nije bilo tako, ne sećam se da je Srbin il Mađaran. Nije bilo zdravo.	А раньше свободно нельзя было, старшие не позволяли. Так не было, не помню, чтобы серб или венгр. Считалось плохо.
[5.4]	Onda Švaba, više je bilo Švaba,	Тогда швабов, больше было швабов;
[5.5]	Mađara ako je bilo tri, četiri porodice.	венгров было, от силы, три-четыре семьи.
[5.6]	Danas, onda su ovde Mađare,	Нынче здесь венгры [поселились],
[5.7]	Nemce su u Nemačku.	немцев [выгнали] в Германию.
[5.8]	Onda su Mađara do u švapske kuće, tu im dali konje, zemlje.	Тогда венгров [поселили] в швабские дома, тут им дали коней, землю.
[5.9]	To su taki siroti bili.	Уж они такие бедняки были.
[5.10]	Sad Švaba nema mnogo.	Теперь швабов немного.

смешанным бракам поддерживается авторитетом старших членов коллектива [5.3], причем в форме косвенной речи.¹⁸

Описание венгров до Второй мировой войны как бедной нации с высоким уровнем рождаемости занимает важное место в сербском дискурсе см. [5.8], [5.9]. Похожие описания встречаются и в нарративах болгар-католиков из села Иваново в сербской части области Банат (см. Вучковић 2007). Акцентирование этих воспоминаний может релятивизировать современную доминацию венгерской общины, 'теперь' более мощной в количественном отношении и в Иваново, и в Сигетчипе.

3.2. Единые ОНИ

Сербский дискурс настаивает на том, что важнейшим дистриктивным признаком немцев и венгров является конфессионально-языковая

¹⁸О идеологической функции прямой речи см. Петровић 2005.

«инаковость», и именно поэтому эти группы приравнены друг к другу и обобщены (см. [4], [5], [6]).¹⁹ Хотя формально немцы и венгры приравнены друг к другу, в записях, в основном, упоминаются немцы, поскольку рассказы, как правило, навеяны воспоминаниями о времени до Второй мировой войны.

[6]	(J.N., žensko, osnovna škola, 1936; audiozapis M1)	(Е.Н., жен., восьмилетняя школа, 1936 г.р.; аудиозапись М1)
[6.1]	To se sećam kad je neki crni oblak dolazio joj taj oblak nosi leda i šta ja znam, onda naše zvono je uvek trebalo da zvoni.	Помню, что когда какая-то туча двигалась — ох, такая туча несет град и другое, — тогда наш колокол должен был звонить.
[6.2]	Onda su i Nemci i Mađari koji su ovde živeli:	Тогда и немцы, и венгры, жившие здесь:
[6.3]	«Joj Srbi zašto ne zvonedu? Joj zašto ne zvonedu? Oće led. Kad Srbi zvonedu onda će razbiti led. Običe selo, kiša i led».	«Ох, почему сербы не звонят? Ох, почему не звонят? Град будет. Когда сербы звонят, то градовую тучу разбивают. Дождь и град обойдет деревню».
[6.4]	Samo se sakupe, samo zvona. To kažu da je to bakreno i da valjda od toga bakra nešto, ne znam.	Быстро собираются, сразу слышны колокола. Это, говорят, оттого, что медный, и, поди, из-за этой меди что-то, уж не знаю.
[6.5]	A kažem to su i Nemci, a i upazili su da kad je Spasovdan, spasovska kiša, onda kaže:	Вот и говорю, немцы, а заметили, что когда Вознесение, дождь на Вознесение, то говорят:
[6.6]	«Joj, kaže, srpski svetac ide, kaže. Ide Duovi, ide Spasovdan, kaže, onda mora biti kiše.»	«Ой, — говорит, — сербский святой идет. Троица идет, идет Вознесение, значит быть дождю».

Во фрагменте [6] рассказ об обычае «защиты от града» ассоциируется у информанта-женщины с 'их' позитивным отношением к сербскому обычаю. В этом угадывается этнокультурный стереотип «магия 'своего' праздника» (см. Белова 2004: 163). Участники события обобщены и выражены этнонимами. В начале рассказа немцы / венгры фигурируют

¹⁹Унификация на основании минимального числа дистинктивных признаков различающихся групп 'других' является обычным дискурсивным действием. Так, например, дискурс русских сельских жителей может приравнять друг к другу турок, татар и евреев на основании единственного дистинктивного признака — отказа от употребления в пищу свинины (см. Белова 2003: 162).

как единые 'они' [6.2], [6.3], а затем 'они' сводится к немцам, на которых информант все время ссылается [6.5]. Положительное отношение немцев / венгров к сербскому празднику передается в форме прямой речи и, тем самым, усиливает авторитет рассказанного [6.3], [6.6], хотя в цитате информант остается в рамках сербского языкового идиома (об изменении языкового кода в цитате см. Петровић 2005). Кроме того информант пользуется дискурсивным средством повтора, которое несет в себе экспрессивную функцию выделения значения и магии сербского праздника [6.3].

3.3. ОНИ: запрет и самоцензура

В нашем материале оказалось гораздо больше данных о сербско-немецкой интерференции и представлений о немцах, нежели о сербско-венгерской культурной интерференции и представлений о венграх. Согласно положению, доказанному Бартминьским (см. Бартминьский 2005: 278), отношение к «другому» зависит от позиции субъекта и от его системы ценностей. Воспоминание о немцах, которые воспринимаются как исторические «они», основано на том, что они больше не представляет опасности для сербов из Сигетчипа. С другой стороны, отношения с венграми, являющимися сегодняшними «они» и «важными другими» (см. Zdravković 2005: 18), играют решающую роль в современной жизни сербов. Вероятно, поэтому дискурс о сербско-венгерских отношениях связан с механизмами запрета и внутренней цензуры, особенно, в разговоре с «аутсайдером», который на момент разговора не завоевал доверие информанта.

Разумеется, на рассказы информантов оказывали влияние и исследователи как собеседники с определенным чувством принадлежности и коммуникативным поведением (см. Гоффманнова 2000, Сикимийћ 2004б). Так, к примеру, хотя сербам в Венгрии присуще собственные этнокультурные стереотипы о сербах из Сербии (см. Prelić 2004: 157; Прелић 1995: 132, 135), эти стереотипы не прозвучали во время интервью. Очевидно, что и в этом случае действовали механизмы самоцензуры, поскольку исследователи приехали из Сербии.

4. Заключение

Дискурс старшего поколения сигетчипских сербов остается в рамках модели генерализации и гомогенизации этнического «другого». Помимо этого в идентификационном дискурсе членов сигетчипской общины отдельные нарративы повторяются, следовательно, в этом случае можно

говорить о коллективных нарративах, основная функция которых — поддержка нарратива коллектива и его идентификации.

В дискурсе чипских сербов, которые являются меньшинством и в демографическом смысле находятся под весьма серьезной угрозой ассимиляции, наблюдаются, во-первых, процессы «присвоения другого» (других сербов, болгар, хорватов), и тогда категория «они» перемещается по направлению к «мы», и, во-вторых, дискурсивные механизмы сохранения строгой дистанции по отношению к «другому» (к немцам, венграм), поскольку в противном случае для сербов возможно только одно: «мы» станем «они».

Перевод на русский язык Марины Обижаевой

Литература

- Бартминьский, Е. 2005. *Как изменяется стереотип немца в Польше*. [в:] *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*. Москва: Индрик, 252–278.
- Белова, О. Н. 2005. *Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции*. Москва: Индрик.
- Белова, О. Н. 2003. *О «жидак» и «жидовской вере» в народных представлениях восточных славян*. [в:] *Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга*. [ред.] О. Белова. Москва: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сафер», Институт славяноведения РАН, 160–175.
- Вучковий, М. 2007. *Други у дискурсу Марка Гурана*. Међународна конференција «Българските 'острови' на лингвистичната карта на Балканите». София 4–6. 11. 2005, /в печати/.
- Ердельановић, Ј. 1930. *О пореклу Буђеваца*. Београд: Посебна издања СКА LXXIX, Филозофски и филолошки списи 19.
- Гоффманнова, Я. 2000. «Подсказывание», «поддакивание» и другие виды стратегии преодоления коммуникативных барьеров. [в:] *Язык как средство трансляции культуры*. [ред.] М. Б. Ешич. Москва: Наука, 132–153.
- Златановић, С. 2004. «Шопови» у Косовском Поморављу. [в:] *Скривене мањине на Балкану*, [ред.] В. Сикимић. Београд: Балканолошки институт САНУ, 83–93.
- Коминская, Л. Н., Клейнер, Ю. А. 2002. *Анклавный язык в составе языкового союза (к постановке проблемы)*. [в:] *Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агни Васильевны Десницкой*. Ред. А. В. Жугра, Н. Н. Казанский. Санкт-Петербург: Наука, 90–94.
- Илић, М. 2003. *Чипска свадба у казивању Јелене Љубе Николић*. *Етнографија Срба у Мађарској* 4. Будимпешта: Мађарско етнографско друштво, 49–78.
- Илић, М. 2005а. *Ка етнолингвистичком речнику чипских Срба — модели етнолингвистичког дискурса у етнодијалекатском тексту*. [в:] *Положај и идентитет српске мањине у југоисточној и централној Европи*. [ред.] Војислав Становчић. Београд: САНУ, 315–339.

- Илић, М. 2005б. *Фолклорни текст у процесу заборава. Гласник етнографског института САНУ* LIII. Београд: Етнографски институт САНУ, 321–335.
- Ластивић, П. 2004. *О положају Срба у Мађарској. Теме: часопис за друштвене науке* 2. Ниш: Универзитет у Нишу, 805–830.
- Петровић, Т. 2004. *Традиционална култура Срба у Белој Крајини у светлу процеса замене језика. Истраживања по славјанској диалектологији* 10. Терминологическая лексика материјалне и духовне културе балканских славјана. Москва: Институт славјановедения РАН, 183–203.
- Петровић, Т. 2005. *Идеолошке функције управног говора у процесу замене језика. Јужнословенски филолог* LXI. Београд: Институт за српски језик САНУ, 191–211.
- Плотникова, А. А. 1996. *Материјали за етнолингвистичко истраживање балканославјанског ареала*. Москва: Институт славјановедения и балканистики РАН.
- Прелић, М. 1995. *Срби у селу Ловри у Мађарској током XX века*. Будимпешта: «ИЗ-ДАН» Српски демократски савез.
- РСГВ — *Речник српских говора Војводине*, 1–5 (А–Њ). Нови Сад: Матица српска. 2000–2005.
- Сикимић, В. 2004а. *Тај тешко да гу има по књизи*. [в:] *Избегличко Косово*. «Лицеум» 8. [ред.] В. Сикимић. Крагујевац: Центар за научна истраживања САНУ и Универзитет у Крагујевцу, 31–69.
- Сикимић, В. 2004б. *Актуелна теренска истраживања дијаспоре: Срби у Мађарској, Теме: часопис за друштвене науке* 2. Ниш: Универзитет у Нишу, 847–858.
- Сикимић, В. 2005. *Изазов теренског рада — Етнолингвистика или антрополошка лингвистика?* [в:] *Етнологија и антропологија: стање и перспективе*. Београд: Зборник Етнографског института САНУ 21, 235–244.
- СМ — *Словенска митологија, Енциклопедијски речник*. [ред.] Светлана М. Толстој и Љубинко Раденковић. Београд: Zepet World Book, 2001.
- Јакимова, М. 2004. *Бугарската градинарска емиграција у Аустрија — скривено малцинство или — ?* [в:] *Скривене мањине на Балкану*. [ред.] В. Сикимић. Београд: Балканолошки институт САНУ, 283–291.
- Хофман, А. 2004. *Проблеми музичког идентитета буњевачке националне заједнице у западној Бачкој*. [в:] *Скривене мањине на Балкану*. [ред.] В. Сикимић. Београд: Балканолошки институт САНУ, 191–198.
- Assmann, J. 2000. *Das kulturelle Gedächtnis*. München: C.H. Beck.
- Bangertter, A. 2002. *Identifying Individual and Collective Acts of Remembering in Task-Related Communication. Discourse Processes* 30/3, 237–264.
- Boym, S. 2001. *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books.
- Ćirković, S. 2006. *Despre încrederea în cercetător: un bosniac în Toracu-Mic*. [в:] *Toracu: Metodologia cercetării de teren*. [ред.] Annemarie Sorescu Marinković. Novi Sad: Societatea (Fundatia) Română de Etnografie și Folclor din Voivodina, 225–266.
- Dilley, R. M. 2002. *The problem of context in social and cultural anthropology. Language & Communication* 22, 437–456.
- Duranti, A. 2003. *Language as Culture in U.S. Anthropology. Current Anthropology* 44/3, 323–347.
- Galasińska, A., Galasiński, D. 2003. *Discursive strategies for coping with sensitive topics of the Other. Journal of Ethnic and Migration Studies* 29/5, 849–863.
- Halbwachs, M. 1985. *Das kollektive Gedächtnis*. Frankfurt/M: Fischer. [La mémoire collective, Paris: Presses Universitaires de France, [1939] 1950].

- Hodgson, I. 2000. *Ethnography and health care: Focus on nursing. Forum: Qualitative Social Research*, [On-line Journal], 1(1), 2000 (<http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/1-00/1-00hodgson-e.htm>) [Date of Access: June 28, 2006]).
- Holt, R. 2003. *Bakhtin's Dimensions of Language and the Analysis of Conversation. Communication Quarterly* 51/2, 225–245.
- Janjetović, Z. 2004. *Švabe u Vojvodini*, [в:] *Скривене мањине на Балкану*. [ред.] Б. Сикимић. Београд: Балканолошки институт САНУ, 121–134.
- Krivoruchko, J. G. 2005. *A Case of Divergent Convergence. The Cultural Identity of Romaniote Jewry*. [в:] *Developing Cultural Identity in the Balkans : Convergence vs. Divergence*. [ред.] R. Detrez, P. Plas. Brussels: Peter Lang, 149–163.
- Mladenova, O. 2004. *Russian Second-Language Textbooks and Identity in the Universe of Discourse : A Contribution to Macropragmatics*, München: Verlag Otto Sagner.
- Petrović, T. 2004. *Lingvistička ideologija i proces zamene jezika na primeru Srba u Beloj Krajini*. [в:] *Скривене мањине на Балкану*. [ред.] Б. Сикимић. Београд: Балканолошки институт САНУ, 217–227.
- Petrović, T. 2005. *The Serbs of Bela Krajina between Local and National Identity*. [в:] *Developing Cultural Identity in the Balkans : Convergence vs. Divergence*. [ред.] R. Detrez & P. Plas. Brussels: Peter Lang, 59–86.
- Prelić, M. 2004. *Etnički identitet: Srbi u Budimpešti i okolini*, doktorska disertacija, Beograd.
- Sbisá, M. 2002. *Speech acts in context. Language & Communication* 22, 421–436.
- Sikimić, B., Sorescu, A. 2004. *The Concept of Loneliness and Death among Vlachs in North-eastern Serbia. Symposia — Journal for Studies in Ethnology and Anthropology*, Craiova, 159–182.
- Sikimić, B. 2004. *Etnolingvistička istraživanja skrivenih manjina — mogućnosti i ograničenja: Čerkezi na Kosovu*. [в:] *Скривене мањине на Балкану*. [ред.] Б. Сикимић. Београд: Балканолошки институт САНУ, 259–281.
- Simeon, R. 1969. *Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva I–II*. Zagreb: Matica hrvatska.
- Sekulić, A. 1991. *Vački Hrvati: narodni život i običaji*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- Sorescu-Marinković, A. 2006. *The Vlachs of North-Eastern Serbia: Fieldwork and Field Methods Today, Symposia — Journal for Studies in Ethnology and Anthropology*, Craiova, /в печати/.
- Tsitsipis, L. 1998. *A Linguistic Anthropology of Praxis and Language Shift: Arvanitika (Albanian) and Greek in Contact*, Oxford: Oxford University Press.
- Witz, K. 2006. *The Participant as Ally and Essentialist Portraiture, Qualitative Inquiry* 12 (2), 246–268.
- Vučković, M. 2000. *Govor kajkavaca u Boki : sociolingvistički aspekt. Јужнословенски филолог* LVI/1–2. Београд: Институт за српски језик САНУ, 261–271.
- Van Dijk, T. A. 1998. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage Publications.
- Zdravković, H. 2005. *Politika žrtve na Kosovu: Identitet žrtve kao primarni diskurzivni cilj Srba i Albanaca u upornom sukobu na Kosovu*. Beograd: Etnološka biblioteka 17.

WHEN "THEY" TURN INTO "US" OR REMAIN "THEM":
ORAL DISCOURSE OF THE SERBS IN HUNGARY

The paper is based on an ethnolinguistic field survey of the Serbs in Hungary (Szigetcsép) conducted in 2001 by the research team of the Institute for Balkan Studies, SASA, Belgrade. The Serbs in Szigetcsép (Hungary) are a demographically endangered population on the verge of assimilation, living for centuries in Serbian diaspora surrounded by German and Hungarian ethnic groups. Therefore, they appear to be an extremely intriguing ethnic group with versatile interethnic relations and diverse discursive strategies for coping with the sensitive topic of "the other". Two major strategies have been identified: the first is the "embracing device", when "they" turn into "us" (in relation to other Serbs, Bulgarians or Croats); the other is the "distance-keeping device", when "we" are in danger of turning into "them" (in relation to Germans and Hungarians).

The analysis also deals with narrative constructs, called "collective narratives", which are based on the patterns of "collective memory" and on ethnic stereotypes.